

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Владимир Кантор

Италия как духовный ориентир русской культуры: пять эпизодов кросс-культурной коммуникации

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечный зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель –
Она с величием, он с разумом в очах –
Взирали, кроткие, во славе и в лучах

А.С.Пушкин «Мадона»

Культурно-политическое влияние Италии, точнее, Рима на Россию, невозможно хоть сколько-нибудь понять, не обратившись к теме империи. Идея империи никогда не умирала в западноевропейском сознании. Пожалуй, именно она противостояла разнузданности варваров. Карл Великий строил империю, чтоб европеизировать германцев, собрать племена, расселившиеся по всей Европе, и убедить их в том, что они римляне. «На Западе Римская империя, – писал Аверинцев, – перестала существовать “всего лишь” в действительности, в эмпирии – но не в идее. Окончив реальное существование, она получила взамен “семиотическое” существование. <...> Знаком из знаков становится для Запада многократно разоренный варварами город Рим. Когда в 800 г. Запад впервые после падения Ромула Августула получает “вселенского” государя в лице Карла Великого, этот король франков коронуется в Риме римским императором и от руки римского папы. “Священная Римская империя германского народа” – это позднейшая формула отлично передающая сакральную знаковость имени города Рима. Это имя – драгоценная инсигния императоров и пап»¹.

Римская империя была чем-то большим, чем просто государственным образованием, но символом того, как надо жить *не-варвару*. Это было пространство, необходимое для существования цивилизованного человека, поэтому так ласкало имя «Рим» слух русских европейских поэтов, или, по слову Мандельштама:

Не город Рим живет среди веков,
А место человека во вселенной!

Как замечал С.Аверинцев, «уже Тертуллиан, ненавидевший языческую Римскую империю, все же верил, что конец Рима будет концом мира и освободит место для столкновения потусторонних сил. Тем охотнее усматривали в существовании Римской империи заградительную стену против Антихриста и некое эсхатологическое “знамение”, когда империя эта стала христианской»². Соответственно, вся до-имперская русская жизнь воспринималась просвещенной Россией как жизнь варварская. Потому понятно, что именно эта идея цивилизации пространства, как я покажу дальше, воодушевляла Петра Великого при построении Российской империи.

Не забудем и самого важного, что именно из Рима в Европу пришла идея Христа.

* * *

Рассмотрим ряд эпизодов культурных контактов России и Италии и начнем издалека, с предпосылок, которые позволили Древней Руси войти в число христианских стран. Начнем с *эпизода создания славянской письменности* и роли в этом процессе Рима.

Известно, что патриарх Фотий послал солунских братьев Константина и Мефодия из Константинополя в Великую Моравию, которая тогда находилась в подчинении епископства Пассау (Бавария), для создания славянской азбуки и распространения христианства среди славянских племен. Исследователи пишут, что немецкое духовенство выступило против служения Литургии на славянском языке, и требовало, как это было принято в Риме, совершать Литургию на латыни. Братья не могли сделать священниками подготовленных ими учеников и в 867 г. отправились в Венецию, предполагая оттуда двинуться в Константинополь и там совершить их поставление. Получив приглашение от римского папы, Константин и Мефодий из Венеции направились в 868 г. в Рим.

В Риме их встретили приветливо. Папа Адриан II освятил славянские книги и приказал положить их в римских церквях, а ученики Константина и Мефодия стали священниками и дьяконами. Стоит привести отрывок из «Буллы папы Иоанна VIII от июня

880 г.): «Письмена, наконец, славянские, изобретенные покойным Константином Философом, чтобы с их помощью раздавались надлежащие хвалы Богу, по праву одобряем и предписываем, чтобы на этом языке возглашалась слава деяний Христа Господа нашего, ибо мы наставлены святым авторитетом, чтобы воздавали хвалу Господу не только на трех, но на всех языках. <...> И ничто ни в вере, ни в учении не препятствует, на том же самом славянском языке ни петь мессы, ни читать святое Евангелие или Божественные чтения из Старого и Нового завета, хорошо переведенные и истолкованные, или петь все остальные обряды, ибо Тот, Кто создал три главных языка, то есть еврейский, греческий и латинский, Тот создал и все остальные к Своей хвале и славе»³. Так католическая церковь приветствовала появление священных книг на новых языках, тем самым, включая их в число священных языков. В Риме Константин тяжело заболел, в начале февраля 869 года окончательно слёг, принял монашеское имя Кирилл, и через 50 дней (14 февраля) скончался. Философ похоронен в Риме в базилике Святого Климента. Мефодий был рукоположен в епископский сан.

Следующим важным эпизодом культурно-политической коммуникации России с Италией стоит назвать *Ферраро-Флорентийский собор 1439 г.* Напомню весьма важный для русской культуры эпизод, когда едва ли не впервые жители не Киевской, а Московской Руси примерно на двухсотом году татарского ига посетили Западную Европу. Я имею в виду «Хождение на Флорентийский собор», состоявшееся в 1437–1440 гг. и записанное по свежим следам безымянным суздальским монахом. На этом Соборе была подписана византийским императором, патриархом и римским папой Уния, собиравшая в единое целое христианскую Европу, дабы противостоять туркам-сельджукам, мусульманам. Однако московский митрополит Исидор, подписавший вместе с патриархом эту унию, по возвращении в Москву был низложен, уния расторгнута и выбран новый митрополит. Духовный контакт России с Европой был отныне затруднен на многие столетия, и в каком-то смысле все наше западничество есть побочный результат этого разрыва, отказа Руси войти в «концерт европейских народов».

Не вдаваясь в конфессиональные тонкости этого сложного вопроса, сыгравшие свою роль в отторжении унии, отметим исторические причины неприятия этого соглашения. Во-первых, визан-

тийцы сами приучили русских не доверять “латинянам”. На эту причину указывали многие, например, Василий Розанов. Известно, что в традиционных обществах привычки живут весьма долго. Во-вторых, на тот момент у Руси отсутствовала реальная потребность в союзе в далёким Римом. Византия боялась наступавших на нее турок, а Русь *уже* была захвачена татарами, отвыкла от Европы, не имея с ней контактов, во всяком случае, не видела в ней союзника, скорее, конфессионального противника.

И, тем не менее, коммуникация русских людей с Италией на её территории состоялось, оставшись в литературе, а стало быть, и в сознании. Что же поразило русского путешественника прежде всего? А его именно – *поразило*, поэтому почти в каждом абзаце он пишет о своем великом “удивлении” вещам, открывавшимся его взору. Он удивлен и восхищен богатством, разработанностью и насыщенностью религиозной жизни Западной Европы: множество церквей, монастырей. Описание изобилия и разнообразных удивительных для него и восхищающих чудес технического толка имеется в рассказе почти о каждом городе. В Риме путешественникам не удалось побывать, но вот описание Флоренции: «Тот славный город Флоренция очень большой, и того, что в нем есть, не видели мы в ранее описанных городах: храмы в нем очень красивы и велики, и здания построены из белого камня, очень высокие и искусно отделаны. И посреди города течет река большая и очень быстрая Арно; и построен на той реке мост каменный, очень широкий; и по обеим сторонам на мосту построены дома <...>. И есть в этом городе храм великий, построенный из белого и черного мрамора; а около того храма воздвигнута колокольня также из белого мрамора, и искусности, с которой она построена, наш ум не способен постигнуть; и поднимались мы на ту колокольню по лестнице, насчитав четыреста пятьдесят ступеней...»⁴. Завершение описания – обратная дорога в Россию – лишь перечисление населенных пунктов и расстояний между ними...

Возможно, отказ от Унии объясняется вполне практическими причинами. Уже тогда московско-татарская власть догадалась о том, что было внятно любому средневековому государству: идеология – не только лучший страж границ, но и замечательный предлог для экспансии. Соперницей поднимавшегося Московского княжества была Литовская Русь. В 1386 г. Литва в результате

династического брака (литовского князя Ягайло и наследницы польского престола Ядвиги) приняла католичество, но те земли, где жили русские, остались православными. Они-то, эти земли, и были предметом спора. Нежелание Унии вытекало из боязни ослабить влияние Москвы на православных подданных Западной, Литовской Руси в борьбе за земельное наследство разгромленной татарами Киевской Руси. Латиняне из мифических стали идеологическими врагами.

Однако если бы был возможен взгляд из XV столетия на несколько столетий вперед, то последствия отказа от Унии смотрелись бы иначе. В годы Октябрьской катастрофы именно об этом отказе пожалеют русские религиозные мыслители, не получив в борьбе с большевиками-атеистами поддержку христианского Запада.

Как писал С.Булгаков, бежавший от большевиков из Советской России, по-новому осмысляя религиозную историю России, – на Ферраро-Флорентийском соборе «был цвет византийского богословия и науки, так что бой был настоящий и решительный. Греки отвергли собор уже после падения Византии, когда совершенно осатанели в латинофобстве, тоже последовали сделать и “вост. патриархи” (и тогда уже только церковно-исторические статисты, как и теперь), а в Москве мальчишка-князь (20 лет) Василий Темный просто арестовал Исидора – и все. Такими средствами не может быть упразднен вселенский собор, который требует себе признания хотя бы через 500 лет. Греки, а вместе с ними и мы, и вся восточная церковь совершили клятвопреступление, т. к. при совместном совершении литургии после собора перед Св.Дарами дали обет сохранять ему верность. Если до этого собора (не считая Лионского) в схизме можно было считать повинными обе стороны, то теперь схизматики мы, восточная церковь. И этот грех влечет за собой неотвратимое наказание, – пала Византия, а вместе с ней оскудела восточная церковь. Теперь пала наша Византия, и оскудела русская церковь»⁵. Оскудение русской церкви было результатом ее отказа от идеи всемирности, «православие, – замечал С.Н.Булгаков, – находится в национальном окостенении»⁶.

Третьим важнейшим эпизодом межкультурной политической коммуникации следует назвать женитьбу Московского князя Ивана III на Софье Палеолог. При Иване III произошло в 1480 г. знаменитое стояние на реке Угре, когда татары впервые не осмелились

напасть на русских в открытом поле (впрочем, русские не решились тоже). К этому моменту Орда уже распалась на не очень большие ханства (прежде всего в результате внутренних междоусобиц, а также после разгрома татар на рубеже XIV–XV вв. Тамерланом). Эти ханства по-прежнему представляли опасность для Руси, хотя и перестали быть постоянной угрозой, ломавшей внутреннюю жизнь народа.

К этому моменту Московский Великий князь Иван III уже 8 лет был женат на племяннице византийского императора Софье, жившей до брака в Риме и сосватанной князю не без участия римского папы. По мысли известного русского историка, Иван III вполне осознал *государственную выгоду* от контактов с Западной Европой – через голову Польши и Литвы. Именно политические интересы, стимулировали культурную коммуникацию. От римского папы «вышло предположение устроить брак молодого московского князя с племянницей последнего константинопольского императора Зоей-Софией Палеолог. После взятия Царьграда турками (1453) брат убитого императора Константина Палеолога, по имени Фома, бежал с семейством в Италию и там умер, оставив детей на попечение папы. Дети были воспитаны в духе Флорентийской унии, и папа имел основания надеяться, что, выдав Софию за московского князя, он получит возможность ввести унию в Москву»⁷. Не очень давний пример Литвы и Польши, крестившихся в католичество, обнадеживал римскую курию. Причем заинтересованность Москвы в этом браке такова, что приехавшие за невестой послы (а главным поверенным великого князя был его подданный Иван Фрязин, «венецианского происхождения», замечает Карамзин) уверяли папу *«о ревности их монарха к благословенному соединению церквей»*⁸.

В 1472 г. произошло венчание Ивана III и Софьи. Однако в результате Рим остался ни с чем, выиграл лишь московский князь, получивший право называться преемником византийского императора. Соединения же церквей не произошло, Иван Фрязин был обвинен в латинстве и посажен в тюрьму, а Софья приняла православие. Но, как писал Карамзин, «главным действием сего брака <...> было то, что Россия стала известнее в Европе, <...> начались государственные сношения, пересылки; увидели москвитян дома и в чужих землях; говорили об их странных обычаях,

но угадывали и могущество»⁹. Москва использовала этот брак в своих интересах: женившись на греческой царевне, Иван III усвоил себе византийский герб – двуглавого орла, что должно было указывать на преемство его власти от византийских императоров, привез в Москву итальянских зодчих (Аристотеля Фиорованти и других), отстроивших каменный Кремль (Успенский собор, Грановитую палату и пр.). По слову Мандельштама: «Успенье нежное – Флоренция в Москве».

И Кремль словно внес в Московию какие-то новые параметры – не скажу благодетельные, но создававшие почву для возможности трагического бытия человека. Федотов писал: «Набеги ханов, казни опричнины, поляки в Кремле – всю трагическую повесть Москвы читаем мы на стенах Кремля, повесть о нечеловеческой воле, о жестокой борьбе, о надрыве. Недаром Грозный, Годунов просятся в шекспировскую хронику. Дух тиранов Ренессанса, последних Медичи и Валуа, живет в кремлевском дворце, под византийско-татарской тяжестью золотых одежд. Грозные цари взнуздали, измучили Русь, но не дали ей развалиться, расползтись по безбрежным просторам»¹⁰.

Строительство Кремля с его итальянскими «ласточкиными хвостиками», как показала история русской культуры, не стало пустым эпизодом. Архитектура в русской культуре крепнет в слове. У Мандельштама есть интереснейшее рассуждение о тех символических коммуникативных связях, которые встроили «итальянский» московский Кремль в парадигму русского слова, как центра вокруг которого строилась русская культура, преодолевая свой хаос: «У нас нет Акрополя. Наша культура до сих пор блуждает и не находит своих стен. Зато каждое слово словаря Даля есть орешек Акрополя, маленький Кремль, крылатая крепость номинализма, оснащенная эллинским духом на неутомимую борьбу с бесформенной стихией, небытием, отовсюду угрожающим нашей истории»¹¹.

Далее, уже при Василии III, и это *четвертый значимый эпизод*, возникает *концепция о Москве как третьем Риме*, «а четвертому не быти». Обычно ее воспринимают как выражение московского изоляционизма. Я бы назвал ее, скорее, «извращенным европеизмом». Вчитаемся в послание старца Филофея (автора этой концепции) великому князю Василию: «Старого Рима церковь пала по неверию ереси Аполлинария, второго же Рима, Константинова града,

церковные двери внуки агарян секирами и оскордами рассекли... Так, пусть знает твоя державность, благочестивый царь, что все православные царства христианской веры сошлись в едином твоём царстве: один ты во всей поднебесной христианам царь. И следует тебе, царь, это блюсти со страхом Божиим»¹². Иными словами, Московская Русь в данном случае выступает в качестве ковчега, спасающего, укрывающего в себе христианский мир. Если же учесть, что в Средневековье христианский мир все-таки отождествлялся именно с европейской цивилизацией, то становится понятным, что, назвав себя третьим Римом (Римом! а не Стамбулом, не Сараем, не Багдадом, не Самаркандом), Москва равнялась на Европу, на её тогдашний центр, полагая себя наследницей и правопреемницей «христианской Европы».

Наконец, последний, *пятый из рассматриваемых эпизодов* – самая решительная и удачная попыткой движения России к Риму связана с именем *Петра Великого, который на Балтийском (Варяжском) море сознательно строит Третий Рим*, наполняя город античными статуями и скульптурами, ориентируя его не на второй, а на первый Рим, вводя римские черты даже в свой герб. Россия после долгой татарской и московской изоляции *возвращалась в Европу при Петре Великом как империя*. Именно как империю воспринимал Россию Запад и в лице просветителей приветствовал появление и европейскую инициативу «северного великана». Не забудем, что империя выступила в петровскую эпоху как гарант свободы разнообразия: «Всяк сущий в ней язык» – так Пушкин определил равноправие населявших русскую империю этносов. И петровская ориентация на римскую имперскость вовсе не означала внесение язычества в страну, как попытался увидеть петровские реформы Д.С.Мережковский в романе «Антихрист (Петр и Алексей)». Не случайно в Римской империи формировались базовые ценности современной европейской цивилизации, включая и христианство.

Созданная Петром Великим русская империя была открыта всем народам («все флаги будут в гости к нам», – писал Пушкин), но, прежде всего, открыта она была Европе, с которой Россия вновь, как во времена Новгородско-Киевской Руси, ощутила внутреннее единство. Созданный Петром столичный град Санкт-Петербург создал духовное напряжение в России. Если Иван III

приглашал из Италии архитекторов, то политика Петра был иная. Он посылал своих русских подданных учиться в Европу. Первым строителем Петербурга неслучайно называют П.М.Еропкина, учившегося «архитектурному делу» по приказу Петра в Риме¹³. И Петербург стал городом, структурировавшим новую Россию, превратившим ее в империю.

Новую столицу Петр строил, опираясь на идею Рима. Стоит напомнить очень верное и глубокое наблюдение российских исследователей о том, что семиотическая соотнесенность с идеей «Москва – третий Рим» неожиданно открывается в некоторых аспектах строительства Петербурга и перенесения в него столицы. Из двух путей – столицы как средоточия святости и столицы, осененной тенью императорского Рима, – Петр избрал второй. «Ориентация на Рим, минуя Византию, естественно ставила вопрос о соперничестве за право исторического наследия с Римом католическим. <...> В этом новом контексте наименование новой столицы Градом Святого Петра неизбежно ассоциировалась не только с прославлением небесного покровителя Петра Первого, но и с представлением о Петербурге как Новом Риме. Эта ориентация на Рим проявляется не только в названии столицы, но и в ее гербе: <...> герб Петербурга содержит в себе трансформированные мотивы герба города Рима <...> и это, конечно, не могло быть случайным»¹⁴. Рим создал великую империю, с ее всеприемлемостью племен и народов. «Мечта о всемирном соединении и всемирном владычестве, – писал, рассуждая об идее империи в начале XX в., Бердяев, – вековая мечта человечества. Римская империя была величайшей попыткой такого соединения и такого владычества. И всякий универсализм связывается и донныне с Римом, как понятием духовным, а не географическим»¹⁵.

Уход от Московского царства, заявление Петра, когда ему поднесли титул императора, что Россия не будет очередной Византией, павшей от собственной слабости и ничтожества, свидетельствуют о некоем сознательном историософском выборе Преобразователем новой ориентации в историческом и геополитическом пространстве: «Должно всеми силами благодарить Бога, но, надеясь на мир, не ослабевать в военном деле, дабы не иметь жребия монархии Греческой; *надлежит стараться о пользе общей, являемой Богом нам очевидно внутри и вне, от чего народ получит облегчение*»¹⁶

(курсив мой. – В.К.). До националистического переворота Николая I все идейно-политические установки Петра сохраняли свою жизненность.

Важно отметить, что принимая титул императора, Петр не только указывал на свою европейскую ориентацию, но и демонстрировал отход как от византийского, так и татарского наследия. Империя означала наднациональную парадигму, где европеизм играл роль сверхъидеи, на которую ориентировались все народы государства. Завоевав Древнюю Грецию, Рим оказался наследником древнегреческой религии и культуры, на этой почве преодолев национальную узость и сделав шаг к мировому величию. Но и Европа восемнадцатого века воспринимала себя прямым воспроизведением, восстановлением Древней Греции: «Европа в настоящее время представляет собой увеличенную копию того, образцом чего раньше в миниатюре была Греция»¹⁷. Стало быть, и новый Рим – Россия – мог смело следовать примеру первого Рима, заимствуя культуру, технику и науку у Европы, не унижая, но возвеличивая себя, вбирая Европу в себя, как некогда Рим вобрал Элладу.

Похороны Петра Великого в Санкт-Петербурге стали религиозным и исторически знаковым событием. Рассматривая восприятие современниками Петра Великого как нового императора Константина Великого, современная исследовательница напоминает об ориентации Петра на первый Рим, город *святого Петра, похороненного в вечном городе*. Но также о том, что Москва приобрела статус хранительницы православия, когда в нее переехал при Иване Калите и впоследствии был *там похоронен русский митрополит Петр*. «Новая столица Российской империи, – пишет автор, – была вписана в христианский контекст, традиция была соблюдена. <...> Три священные могилы трех Петров: св. апостола Петра – хранителя христианского Рима и всего «земного града» в соборе Св. Петра в Риме; св. Петра, митрополита Всея Руси – в Успенском соборе в Москве, <...> связавшим Второй Рим и Третий. Наконец, могилы Петра Великого в Петропавловском соборе и первого христианского императора Константина <...> в храме Святых Апостолов создают для верующей Руси надежную опору соединения светской имперской, вселенской христианской и отечественной истории»¹⁸.

После катастрофы Октябрьской революции близость Петербурга великому Риму становится для русских эмигрантов несомненной, и эта мысль звучит страстно, тоскливо, преувеличенно, но звучит. В 1926 г. Георгий Федотов написал: «Истлевающая золотом Венеция и даже вечный Рим бледнеют перед величием умирающего Петербурга. Рим – Петербург! Рим опоясал Средиземное море кольцом греческих колонн, богов и мыслей. Рим наложил на южные народы легкие цепи латинских законов. Петербург воплотил мечты Палладио у полярного круга, замостил болота гранитом, разбросал греческие портики на тысячи верст среди северных берез и елей. К самоедам и чукчам донес отблеск греческого гения, прокаленного в кузнице русского духа. Кто усомнится в том, что Захаров самобытнее строителей римских форумов и что русское слово, раскованное Пушкиным, несет миру весть благодатнее, чем флейты Горация и медные трубы Вергилия?»¹⁹.

Как видим, кросскультурные коммуникации расширяют и углубляют своеобразие культур: учеба России у Европы, как некогда Древнего Рима у Древней Греции, способствовала созданию великого государства и великой культуры. От нашествия же варваров, как внешних, так и внутренних, не застрахована самая великая цивилизация.

Примечания

- ¹ *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 115–116.
- ² Там же. С. 124.
- ³ Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 197.
- ⁴ «Хождение» на Флорентийский собор // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века / Вступ. статья Д.С.Лихачева; Сост. и общ. ред. Л.А.Дмитриева и Д.С.Лихачева. М., 1981. С. 481, 483.
- ⁵ *Булгаков С.Н.* Jaltica (Письмо к другу) // Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергием Николаевичем Булгаковым. Томск, 2001. С. 184.
- ⁶ *Булгаков С.Н.* Из «Дневника» // *Булгаков С.Н.* Тихие думы. М., 1996. С. 369–370.
- ⁷ *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М., 1993. С. 186. Полагаю, что в этой цитате опечатка, и вместо слова «предположение» надо читать «предложение» – примеч. автора статьи.

- 8 *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. V–VIII. Калуга, 1993. С. 200. Курсив Н.М.Карамзина.
- 9 Там же. С. 203.
- 10 *Федотов Г.П.* Три столицы // *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. СПб., 1991. С. 59.
- 11 *Мандельштам О.* О природе слова // *Мандельштам О.* «Сохрани мою речь...» М., 1994. С. 399.
- 12 Послания старца Филофея // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 437.
- 13 См. *Карпов Г.М.* Архитектор Петербурга Петр Михайлович Еропкин // *Вопр. истории.* 2011. № 2. С. 131–143.
- 14 *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого // *Успенский Б.А.* Избр. тр.: В 2 т. Т. I: Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994. С. 63–64.
- 15 *Бердяев Н.А.* Конец Европы // *Бердяев Н.А.* Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918. С. 117.
- 16 Петр Великий в его изречениях. М., 1991. С. 88.
- 17 *Юм Д.* О возникновении и развитии искусств и наук // *Юм Д.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1966. С. 637.
- 18 *Киселева М.С.* Петербург в контексте христианской сакральности (Священные могилы священных столиц) // Петербург на философской карте мира. Вып. 3. СПб., 2004. С. 72.
- 19 *Федотов Г.П.* Три столицы. С. 51.